

Эймунтас Някрошюс: у Чехова я бы спросил что-нибудь медицинское

проекты театр

Кашшермантв. - 2003. - 10 февр. - с. 22.

Литовский режиссер ЭЙМУНТАС НЯКРОШЮС приступил в Москве к работе над чеховским «Вишневым садом». В этом продюсерском проекте Фонда Станиславского заняты известные московские актеры. Театральные журналисты всего мира знают, что господин Някрошюс — самый неразговорчивый из великих современных режиссеров и ненавидит расспросы о спектаклях, над которыми сейчас работает. Тем не менее обозреватель „Ъ“ РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ решился задать ему несколько вопросов.

АЛЕКСАНДР МИРДОНОВ

— Вопрос, который стараюсь задавать всем режиссерам, работающим над Чеховым. Как вам кажется, он был больше оптимист или пессимист?

— Не могу сказать, что у меня оптимистический взгляд на мир. А Чехов мне всегда очень близок. Так что судите сами. У него много светлого было, но много и очень темного. «Вишневый сад» — вообще такая жестокая пьеса, безжалостная...

— Вы много ставили пьесы Чехова, ставили Пушкина,

Гоголя. Теперь вот работаете над Чеховым с русскими, в Москве. Правда ли, что в родной Литве националисты обвиняли вас в излишней ориентации на восток?

— Преувеличено, думаю. Хотя что-то было, конечно... Но я никогда не обращал на это внимания. Просто есть люди, которые понимают, что я делаю, а есть те, кто не понимает.

— Когда было объявлено о начале кастинга для «Вишневого сада», вы сказали, что талант актера — для вас не

главное качество и что выгоднее репетировать с любыми. Тем не менее среди актеров, которых вы уже выбрали, — Людмила Максакова, Евгений Миронов, Владимир Ильин, Игорь Гордин. То есть не любые, а весьма известные имена...

— Мне кажется, я набрал просто очень спокойную в психологическом плане актерскую группу. Я больше обращал внимание на их человеческие качества, чем на умение или на известность. Я не вхожу в круг почитателей этих актеров хотя бы потому, что не живу в Москве и почти не видел их на сцене. Так что для меня их фамилии магического значения не имели.

— Когда актеры приходили вам показываться, какое первое задание вы им давали, какой тест?

— Нет никаких тестов, и показывать что-то я их не прошу. Просто обыкновенный разговор какой-то... Слушаю голос, смотрю, пытаюсь понять, что за человек передо мной сидит.

— Значит, во время репетиций вы тоже как-то сближа-

етесь по-человечески с теми, с кем работаете?

— Скорее нет, чем да. Нет времени на это. Да и вообще, режиссеру лучше сохранять дистанцию с актерами. Самим актерам тоже лучше психологически не очень сближаться с режиссером.

— Вы будете все время репетировать в Москве?

— Нет, мы планируем, что актеры приедут ко мне в Вильнюс и часть репетиций пройдет там. В Европе это давно уже нормальная практика, но здесь почему-то все удивляются. А премьера, конечно, пройдет в Москве в начале июля.

— Смотреть ваши спектакли многим бывает непросто. У вас есть какое-то представление об идеальном зрителе?

— Случайный зритель иногда бывает даже лучше, чем подготовленный. Хотя приятно, когда публика может глубоко проникнуть в замысел, это и мне помогает трезво оценить, что у меня самого получилось. Но искушенные зрители часто бывают такими, как сказать, очень подозрительными...

— В Вильнюсе у вашего театра «Мено фортас» есть свое зда-

ние, но там только репетиционные пространства, а большой сцены нет. Вы не стремитесь обрести свой театр?

— Мне достаточно такого. Спектакли абсолютно готовы в комнате, а потом они просто расширяются до размера сцены.

— В какой степени ваши спектакли рождаются на репетиции? Или весь будущий спектакль уже готов в вашей голове и актерам только предстоит исполнить замысел?

— Я не отношусь к тем режиссерам, которые выстраивают спектакль из актерских импровизаций. Конечно, многое рождается и уточняется во время репетиций. Но домашние заготовки для меня важнее. Очень много записываю, звуки запоминаю, что-то потом пригодится для других работ. А когда репетирую, то живу в особенной внутренней дисциплине, и весь остальной мир в это время вроде бы сужается...

— А вы можете прервать репетицию или отменить ее, если чувствуете, что она, что называется, не идет?

— Да, я так и делаю. Если проходит минут двадцать, а твердой

уверенности в своих мыслях и решениях все еще нет, то я предпочитаю не мучить ни себя, ни актеров.

— А как вы отдыхаете от работы?

— Стараюсь перебить чем-то совершенно посторонним театру. Да почти нет времени по-настоящему отвлечься. Только закончив одну работу, сразу надо начинать другую.

— Но это же почти дословная цитата из «Чайки», из монолога Тригорина! У вас есть какой-то чеховский персонаж, который вам особенно близок, на которого вы похожи?

— Я об этом не задумываюсь. Задача режиссера другая, и столько проблем, которых одним только вдохновением не преодолеешь. Есть столько других головомомных вопросов...

— А если бы у вас была возможность сейчас, перед работой над «Вишневым садом», встретиться с Чеховым и задать ему всего один вопрос, что бы вы спросили?

— Ну наверняка это был бы вопрос не про театр и не про литературу. Наверное, спросил бы что-нибудь медицинское...